

Элизабет Лейрд

Алое небо рассвета

Элизабет Лейрд
Алое небо рассвета

«Азбука»

1988

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Лейрд Э.

Алое небо рассвета / Э. Лейрд — «Азбука», 1988

ISBN 978-5-389-33963-7

Анна с нетерпением ждет рождения брата. Но, когда малыш появляется на свет, становится ясно: испытания будут сложнее, чем она могла себе вообразить. Девочке-подростку непросто объяснить окружающим, что ее брат не совсем здоров. И она делает вид, будто все в порядке. Ведь жалости ей не нужно. Но чем больше времени Анна проводит с братом, тем больше перемен происходит внутри ее самой... «Алое небо рассвета» – честная книга о том, как найти внутреннюю опору и оставаться собой, несмотря на жизненные трудности. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33963-7

© Лейрд Э., 1988
© Азбука, 1988

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Элизабет Лейрд

Алое небо рассвета

Copyright © Elizabeth Laird, 1988

© А. Лавруша, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Азбука», 2026 Издательство Азбука®

Оформление обложки Владимира Гусакова

Предисловие

Мне было четыре года, когда родился мой младший брат Алистер. Я хорошо помню, как увидела его впервые: он лежал в люльке рядом с маминей кроватью, у него была большая, покрытая пушком голова. Я приподняла край одеяла, посмотрела на его ножки – и удивилась, что ноги могут быть такими крошечными.

Я была слишком мала, чтобы понимать, что у Алистера есть физические недостатки, и представлять, каково ему, но знала, как заставить его рассмеяться – надо прижаться лицом к рейкам кровати и высунуть язык или начать танцевать, вращая подолом юбки. Как заставить его плакать, я тоже знала и, увы, иногда этим пользовалась, если ревновала к вниманию, которое уделялось только ему.

Меня часто спрашивают, пишу ли я о реальных людях. Мой ответ – нет. Я могу позаимствовать что-то у одного, что-то у другого – манеру речи или особую привычку, – могу пересказать запомнившуюся историю. Но мои персонажи выдуманы, и у каждого собственная жизнь. Семья из «Алого неба рассвета» ничем не похожа на мою, и не думаю, что у меня много общего с Анной или Кэти. Я – это я, а они – это они.

Но из этого правила есть одно исключение. Персонаж по имени Бен – это Алистер, мой младший брат.

1

Пока жива, я не забуду ночь, когда родился мой младший брат. Во-первых, я тогда не сомкнула глаз. Сразу же после того, как я улеглась в постель, папа стал кому-то звонить. Комната у меня довольно тесная – вытянувшись и не вставая с кровати, можно открыть дверь, – что я и сделала. И услышала, как папа говорит: «Да, верно, второй дом слева за магазином. И пожалуйста, быстрее».

Говорил он настойчиво. Я догадалась, что он звонит в «скорую» и что мое время пришло. Ну, то есть пришло мамино время, но и мое в каком-то смысле тоже, потому что, пока ее не будет, отвечать за все придется мне. Мысленно я все давно отрепетировала, поэтому спокойно встала с кровати, надела халат, на ощупь нашла очки. Потом вышла из комнаты и через гостиную направилась к спальне родителей. Даже не побежала.

–Мама, сейчас тебе нужно расслабиться, – произнесла я. – Все под контролем. – Видимо, я сказала это слишком тихо, потому что меня никто не заметил.

Лицо у мамы было перекошено, а папа смотрел на нее во все глаза, замерев с одной ногой в штанине. Вид у него был глупее не придумаешь. Потом мамино лицо стало обычным. Она повернула голову и увидела меня – теперь она казалась вполне нормальной. Мама мне даже улыбнулась. А папа продолжил натягивать брюки. Как будто видео включилось после стоп-кадра.

А потом все то, что я собиралась сказать, вылетело у меня из головы, потому что дальше все происходило слишком быстро. Мамино лицо опять сморщилось, и она начала громко и хрипло дышать. Никогда раньше я не видела в глазах у человека столько ужаса, даже в фильмах про войну.

Папа сгреб в охапку куртку и рванул из комнаты мимо меня. Потом он, похоже, сообразил, что там была я, потому что вернулся и потрепал меня по волосам, как обычно делал, когда хотел показать свою любовь. Я же этот жест ненавидела, но мне не хотелось обижать папу, и я молча терпела.

–Будь так добра, детка, – произнес он, – сделай мне чай. «Скорая» приедет минут через пять. Мне нужно позвонить твоей бабушке.

Я не могла в это поверить. За всю свою жизнь я не слышала ничего более бессердечного. Там же лежит его жена! Возможно, она умирает в самой страшной агонии, пытаясь дать жизнь его ребенку, а он думает только о своем комфорте. Теперь я поняла, как пострадали женщины от извечного мужского эгоизма.

–Прости, папа, – ответила я с достоинством, – но я полагаю, что нужна маме. А чай там, где всегда.

Но тут мама издала жуткий крик, и папа бросился назад, захлопнув дверь их спальни перед моим носом. Войти я не решилась. Да уже и не хотела. Я чувствовала себя слишком маленькой и беспомощной. В голове вертелись пугающие мысли вроде: а что, если мама умрет и мне придется посвятить свою молодость уходу за папой и воспитанию Кэти? В свои семь она была настоящим чудовищем.

Подумав о сестре, я вспомнила об ответственности. Я должна следить за семьей и домом, пока мама занята другим. Я решила, что начать лучше всего с Кэти, и направилась по коридору к ее комнате.

Кэти на редкость противный ребенок. Даже мама признает, что та надоедлива. Правда, мама говорит, что у Кэти такой период. Но либо мама не права, либо этот период чересчур затянулся, потому что Кэти такая с рождения. Хуже всего, что ее, к примеру, невозможно заставить уснуть. Когда она в кровати, все должны ходить по дому на цыпочках, а мне у себя в

комнате даже кассеты¹ нельзя ставить, что, честно говоря, уже смахивает на ущемление прав. Посреди ночи ее запросто может разбудить мотылек, который ударился крыльями об оконное стекло. Никогда бы не подумала, что Кэти будет спать при шуме, который устроила мама. Но именно этим она всех и бесит – своей непредсказуемостью. Из ее комнаты не доносилось ни звука. Я встала на коленки и заглянула в замочную скважину. У Кэти всегда горит ночник – ей кажется, что она лакомый кусочек для ведьм, которые горят желанием съесть ее ночью. В общем, я убедилась, что она крепко спит.

«Ну и ладно, – подумала я. – Одной заботой меньше». В то же время мне почти хотелось, чтобы Кэти проснулась, потому что заняться было нечем. А предавать маму приготовлением чая папе я точно не собиралась.

Потом я сообразила, что могу позвонить бабушке, о чем папа, наверное, забыл. Я спустилась по лестнице к телефону на первый этаж и уже начала набирать номер, когда в дверь позвонили. Приехала «скорая». Бригада состояла всего из двух человек, но прихожую они заняли собой полностью. Она была настолько узкой, что, когда там сталкивались двое, одному приходилось уступать дорогу и прижиматься к стене, пока второй протискивался вперед. Раньше я придумывала всякие способы, чтобы не останавливаться у стены, типа делала вид, что несу что-то тяжелое или мне срочно надо в туалет, но такими детскими вещами я давно не занимаюсь. Я всегда знала, что прихожая крошечная, не то что холл у Дебби (это моя бывшая лучшая подруга), но сейчас это меня внезапно встревожило. А они смогут спустить маму на носилках? Вдруг они застрянут, как в тот раз, когда папа устанавливал в спальне встроенный шкаф и они с мамой пытались спустить по лестнице старый шифоньер? Его заклинило между стен, и папе пришлось вытащить пилу и распилить его пополам, чтобы сохранить обои в целости. Папа был в ярости и провозился с этим шифоньером не один час. Но у мамы нет столько времени. Если она застрянет здесь на носилках, ей придется рожать прямо на лестнице.

Но в итоге носилки маме не понадобились. Из спальни вышел бледный, дрожащий папа, вид у него был ужасный. Сотрудники «скорой» помчались наверх, но один из них быстро вернулся и спросил:

– Девочка, где у вас телефон?

Он набрал номер, я услышала, что он говорит, и тоже почувствовала подступающую дрожь и тошноту.

– Это Алан. На Блайт-роуд экстренный случай. У женщины схватки. В больницу поздно. Она начала тужиться, ребенок уже почти здесь. Стэн делает все возможное, но говорит, что там не все благополучно. Срочно нужен доктор. Кислород и препараты есть, но нет набора для новорожденных, если понадобится первичная реанимация.

Обо мне он, скорее всего, забыл, потому что снова побежал наверх, как только положил трубку. Но я бы не выдержала, если бы он так ушел. Я должна была узнать, что происходит.

– Все... все в порядке? – спросила я. Мне не хотелось, чтобы это прозвучало так тихо и силно, но я не могла с собой совладать. Я испугалась.

– Конечно, – ответил он этим мерзким тоном, которым обычно говорят с детьми, когда собираются их обмануть. – Простая предосторожность. С твоей мамой все будет хорошо. И с ребенком, полагаю, тоже. Все просто происходит слишком быстро, только и всего.

И он как бы по-родственному похлопал меня по плечу. Мне было всего двенадцать, но я соображала лучше сверстников. Неудивительно, что я почувствовала себя оскорбленной.

– Если нужно, я готова сдать кровь, – сказала я. Меня мутило от одной мысли об этой процедуре, но если маме нужна моя кровь, то иначе, разумеется, и быть не может.

А он имел наглость улыбнуться и сказать:

¹ Компакт-кассета – до начала 2000-х один из самых распространенных носителей информации на магнитной ленте. Применялась в первую очередь для прослушивания музыки на магнитофоне.

—Твоя кровь нам точно не понадобится. Тебе лучше всего сейчас быть умницей и не мешать. Скажи, ты же умеешь готовить чай, да? Можешь пойти и поставить чайник? Мы со Стэном выпьем по чашке после того, как закончим.

Скажи он это по-другому, я бы ни за что не стала готовить им чай. Но я понимала: если не приготовлю, он решит, что я не умею, поэтому я пошла на кухню и набрала в чайник воды. Пока она закипала, я расставляла на подносе чашки, молочник и сахарницу, продолжая думать о маме и ребенке.

Раньше я ни разу не думала о нем как о реальном человеке. Честно говоря, я была поражена, когда мама сообщила мне, что беременна. Я не могла представить, как они с папой занимаются сексом. Особенно у нас дома. Сама мысль казалась мне отвратительной. Их спальня кажется неподходящим местом для этого. Там слишком обычно. Но постепенно я привыкла к тому, что мама поправляется, быстро устает и во всем больше полагается на меня. В каком-то смысле мне это нравилось. Я научилась готовить на ужин яичницу с овощами и беконом и разогревать пиццу в духовке. Я даже сделала бараньи отбивные с двойным овощным гарниром, хотя для этого пришлось очень долго чистить картошку.

Но о ребенке я как-то почти не думала. Я бы хотела брата и знала почему — чтобы под ногами не путалась еще одна Кэти. И я начала вязать малышу кардиган, но, так как я плохо вяжу на спицах, я все распустила и попробовала научиться пользоваться крючком. Но я запуталась с рядами и так ничего и не связала. Папа принес с чердака коляску, а мама обила люльку новой тканью в цветочек — получилось симпатично. Чистая пустая люлька стояла в ожидании рядом с маминой кроватью, но я не могла представить в ней настоящего ребенка.

А потом я вспомнила кое-что, о чем писалось в одном викторианском романе. У бабушки их целая куча, она читала их лет триста назад. Назывались они как-то вроде «Заблудившийся в Лондоне» или «Неверующий», и все были ужасно грустные и религиозные. Дети ходят босиком по снегу и продают спички, матери беспробудно пьют, младенцы умирают, и над этими романами все время плачешь. Когда я читала «Старую шарманку Кристи»², я так сильно рыдала, что даже заболела синуситом. Но все равно мне такие книги нравятся. После каждой у меня появляется чувство, что я стала чище, добрее и что я готова посмотреть в лицо смерти.

В общем, когда в старых книжках рождаются дети, несчастную старшую дочь всегда посылают на кухню кипятить галлоны воды. Зачем нужно столько воды, не объясняется, но я сделала вывод, что так правильно. Поэтому я вытащила скороварку и самые большие кастрюли, наполнила их водой, поставила на плиту и включила все конфорки. Немного пролилось на пол, но я все убрала.

Для того чтобы выбрать посуду и налить в нее воды, потребовалось довольно много времени, и я все еще была занята, когда пришел доктор Рэндалл. По лестнице он поднимался, перепрыгивая через две ступени. А потом приехала еще одна «скорая», и мужчины понесли наверх какой-то необычный ящик. Потом они снова спустились, бережно держа этот ящик в руках, и уехали. Доктор оставался там. В доме было тихо. Я слышала только его голос в родительской спальне, прямо над кухней. Потом первая «скорая» тоже уехала, а Алан и Стэн так и не удосужились выпить свой чай. И тогда я поняла, что надо мной подшутили. Они просто хотели убрать меня с дороги. Как же это типично!

Звуки наверху стихли, и я немного заволновалась. Что они там все делают? С мамой все хорошо? И почему не кричит малыш? Мама обещала, что я буду первой, кто увидит его после папы, но меня никто никуда не звал. Мне отчаянно хотелось выяснить, что происходит. Но я так боялась, что не могла подняться к ним, открыть дверь и просто войти. Все, что имеет отношение к медицине, всегда казалось мне как бы святым. Вломиться в комнату, когда там

² Популярная детская книга писательницы О. Ф. Уолтон, впервые изданная в 1874 году.

что-то делает доктор, – это то же самое, что вбежать в церковь и заорать викарию: «Привет, а вот и я!»

И тут я вспомнила: чай! Право же, к этому моменту они наверняка не прочь выпить по чашке чая. В конце концов, уже почти утро. В кухонном окне появились сероватые блики, а в небе – алые полосы. Раньше я никогда не встречала рассвет. Это было жутко и грандиозно. Действительно, самое подходящее время для рождения. Я пересчитала чашки, наполнила сервировочный чайник (вода в большом чайнике давным-давно остыла) и нетвердым шагом поднялась с подносом по лестнице. Потом отставила его в сторону, приоткрыла дверь, снова взяла поднос и вошла в комнату, держа его перед собой, чтобы сначала все увидели его.

Я сразу поняла, что шел очень тяжелый разговор. Мама лежала в кровати, она выглядела бледной и уставшей, а папа сидел рядом и держал ее за руку. Доктор Рэндалл находился с другой стороны – у него был серьезный взгляд. Первой меня заметила мама.

–Анни! – произнесла она и издала что-то вроде слабого смеха. А потом папа вскочил, подошел ко мне и начал страшно суетиться из-за подноса. Но ему не удалось меня обмануть. Он пытался сделать так, чтобы я не заметила, что мама плачет. А я точно знала – именно это она и делала.

–Где? Это мальчик? Мне уже можно на него посмотреть? – шепотом спросила я папу.

Он стоял и молчал. А потом с подносом в руках развернулся и посмотрел на доктора Рэндалла. Тот приблизился ко мне и заговорил этим дурацким голосом, которым взрослые никогда не разговаривают друг с другом.

–Да, Анна, у тебя родился братик, но он не очень хорошо себя чувствует, и нам пришлось отвезти его в больницу.

–Ящик... – прошептала я. У меня почему-то не получалось говорить нормально. – Он был в том ящике, да? Он же не...

Доктор Рэндалл впервые улыбнулся:

–Нет, Анна, он жив. Это просто инкубатор. Специальная камера для детей, которым необходимы особое тепло и внимание. Он не умрет, но... – Настал его черед замолчать и посмотреть на папу.

На этот раз папа справился превосходно. Он просто положил руки мне на плечи:

–Твой брат не совсем в порядке. Доктор Рэндалл считает, что он может быть инвалидом. Пока точно определить нельзя, нужна неделя или две, но рассчитывать на...

А дальше произошло худшее. Папа заплакал. Он не всхлипывал и все такое, а просто немного скукожился. И я, конечно, сорвалась. Я всегда плачу, если рядом кто-то плачет. Это заразно, типа как зевота или икота. А потом и мама начала – так мы втроем плакали, и мне было по-настоящему грустно, но какая-то ужасная моя часть смотрела на происходящее как бы со стороны и думала: «Я плачу вместе с крутыми родителями из-за серьезной семейной ситуации, а Кэти спит. Это значит, что я с ними теперь на равных».

Я по-прежнему не могла представить себе ребенка. Умом я понимала: то, что он инвалид, – это горе, но прочувствовать это по-настоящему у меня не выходило, если вы понимаете, что я имею в виду.

Когда прекращаешь плакать, если ты плакал вместе с кем-то, наступает очень необычное состояние. Становится, конечно, неловко, но при этом и как-то уютно. Появляется чувство любви и общности, а еще пустоты.

Через какое-то время я задумалась о страшных вещах. Что значит инвалид? Над ним будут смеяться? У него будут дергаться руки и ноги? Почему-то оттого, что мы вместе плакали, я так осмелела, что обратилась со всем этим к доктору Рэндаллу напрямую:

–Что вы имеете в виду под «инвалидом»?

Доктор Рэндалл покачал головой и сказал:

– Анна, я как раз говорил твоим родителям, что пока мы ничего не знаем. Надо ждать и наблюдать.

– Да, но он будет слепым или глухим? – спросила я.

Мама с папой замерли в какой-то особой неподвижности, и я была уверена, что они тоже до смерти хотят услышать ответ. Доктор Рэндалл немного повеселел и сказал:

– О нет, я уверен, что он будет и слышать, и видеть.

– Он будет красивым? Или у него будет такой вид, что его будут дразнить? Он будет пускать слюни и все такое? – спросила я. Да, это звучало ужасно, но я должна была выяснить все во что бы то ни стало.

– Анна, я не знаю, – ответил доктор Рэндалл. – Честно не знаю. Но ты же сама понимаешь, что все дети прекрасны, даже если... – Он замолчал.

– Вы что, даже не скажете нам, сможет ли он играть, ходить в школу, разговаривать, смеяться и все такое? – спросила я.

С лица доктора Рэндалла стерлось веселое выражение.

– Смеяться он сможет, – медленно произнес он и повторил: – Я уверен, что он сможет смеяться. А с остальным давайте подождем и понаблюдаем, хорошо? Я думаю, сейчас нам всем надо поспать.

Он похлопал маму по руке и сказал:

– Вам обязательно надо попытаться отдохнуть. Уверен, вы очень устали. Такие домашние роды на самом деле редкость, и вы с ними отлично справились. Я дал вам изрядную дозу снотворного, используйте его по максимуму. И в любой момент звоните в больницу, хотя новости там будут только завтра утром. Утром мы также пришлем медсестру – она поможет вам со всем разобраться. И старайтесь не нервничать. Ребенок в стабильном состоянии, вы же знаете. Никакой опасности нет.

Доктор взял свою сумку и закрыл ее, щелкнув замком. Он как будто внезапно куда-то заторопился. Думаю, это из-за напряжения. Мама всегда говорит, что от эмоциональных переживаний устаешь больше, чем от всего прочего. Но ему-то что расстраиваться: не из-за его собственного ребенка вся эта беготня. Для него, думала я, это обычное дело.

Однако уже через полминуты его голова снова показалась в дверном проеме.

– Из кухни вовсю валит пар, – сообщил он.

Пар! Кипяток! Ну конечно! Я же включила четыре конфорки на полную мощность. Я вскочила, протолкнулась мимо доктора Рэндалла, испуганным кроликом метнулась вниз и в мгновение ока оказалась на кухне. Там скопилось столько пара, что я даже не сразу увидела плиту. К счастью, ни одна из кастрюль полностью не выкипела, но по стенам струями стекала вода. Я чувствовала себя такой дурой. Я боялась, что надо мной сейчас будут смеяться. Ведь доктор Рэндалл не сказал ни слова о том, что ему понадобится кипяченая вода. Я решила, что до прихода папы постараюсь вылить воду из кастрюль и все убрать, а потом скажу, что из-за волнения забыла выключить чайник. Но было поздно. Папа вошел в кухню вслед за мной.

– Весьма разумно, Анна-Туманна, – произнес он. Тоном, которым констатируют факты. Он всегда придумывает глупые прозвища в рифму к моему имени. Иногда меня это бесит, особенно если он забывается и делает это в присутствии других. Это же так странно выглядит со стороны. Но его не остановить. Он только смеется и говорит: «Знаешь поговорку „У любимого ребенка миллион имен“? Так что не бубни, Анна-Желанна».

В любом случае я обрадовалась, что он не посмеялся.

– Ну, – сказала я, – по правилам, когда рождается ребенок, надо кипятить воду, хотя, если честно, я не знаю зачем.

Папа, видимо, тоже не знал.

– Может, для стерилизации инструментов или чего-то такого, – неуверенно произнес он. – Как бы там ни было, нам лучше сейчас поспать. Ночь скоро закончится.

Но я вообще не ощущала усталости. Пока. Я знала, что на следующий день буду чувствовать себя ужасно, но сейчас должна была многое выяснить и выпалила:

– Это всегда так больно? – Не надо было спрашивать об этом папу, но я не смогла удержаться.

– Что больно? – переспросил он. Я простила ему толстокожесть и бесчувственность на том основании, что он невежественный мужчина, – откуда ему знать.

– Рожать ребенка, – сказала я. – У мамы было странное лицо, и она кричала...

– Тебе надо спросить у нее, – сказал папа. – Я не знаю, ты же понимаешь. Но мама, похоже, считает, что оно того стоит. В конце концов, вы с Кэти тоже так родились.

– А теперь у тебя еще и сын есть, – сказала я и сразу пожалела, потому что папа стал очень грустным.

– Да, – сказал он, – теперь у меня есть сын. Пойдем, Сусанна. Пора спать.

2

На следующее утро я шла в школу с необычным ощущением. Отчасти, наверное, потому, что была полностью вымотана. Папа сказал, что, если хочется, я могу остаться дома. Сам он взял на работе недельный отпуск. Но я пошла в школу. Во-первых, я хотела уйти из дома, где была жутко гнетущая атмосфера: мама все время плакала, а папа висел на телефоне. А еще эта муха Кэти. Ей взбрело в голову дурачиться, сюсюкать и кривляться – еще чуть-чуть, и я бы ее стукнула.

Во-вторых, меня распирало от желания всем обо всем рассказать. Настолько крутые новости у меня бывают редко. То ли дело Сандра, у которой брат на флоте, или Миранда, которая ходит на все дискотеки подряд и занимается «этим самым» с мальчишками. В школе я, типа, непопулярная. Раньше, очень давно, я дружила с Дебби, и тогда было супер, потому что она нравится всем, так что остальные крутые ребята приняли в свою группу и меня.

Таких красивых людей, как Дебби, я почти не встречала. Когда она отбрасывает волосы с лица, они улетают назад, как в рекламе шампуня. У нее тонкий точеный нос и даже зубы идеальные, а прозрачная кожа покрыта как бы пушком, как у персика, и глаза огромные, выразительные, большие и карие, как у спаниеля. Звучит все это, конечно, банально, но это правда. На Дебби я могу смотреть часами. Нет, как человек она мне не нравится. Больше. С тех пор, как начала дружить с Эммой, которая смеется надо мной за моей спиной и говорит, что приближаться ко мне опасно для здоровья, потому что у меня прыщи. Просто мне нравится все красивое. У меня тонкий эстетический вкус. А смотреть на Дебби – это то же самое, что смотреть на произведение искусства.

Узнав о маминой беременности, я сразу же начала планировать, как буду рассказывать о рождении малыша, и тянуть с этим дальше я просто не могла. Вышло чудесно. Даже лучше, чем я надеялась. Все были поражены. Рассказ получился очень драматичным. Не каждый день ребенок рождается дома, потому что это происходит так быстро, что мать не успевает доехать до больницы! «Скорые», целых две, прибывают одна за другой, отдельно приезжает доктор, а я знаю, как запастись необходимым кипятком, и он говорит мне: «Очень разумно» (да, я немного приврала, это сказал папа). Им особенно понравилась часть про то, как я увидела, что они несут по лестнице вниз какой-то ящик и меня охватило жуткое предчувствие чего-то непоправимого, я остолбенела, схватилась за сердце – оно колотилось, а я пыталась молиться. И как я почувствовала дикое облегчение, когда доктор Рэндалл объяснил, что это был просто инкубатор. Но о том, что мой брат, возможно, инвалид, я почему-то ничего не сказала. Я пока и сама это не осознала.

–Интересно, как он выглядит, – сказала Дебби. – Жаль, что тебе не удалось увидеть его хотя бы мельком. У него же наверняка такие миленькие маленькие ручки и ножки, как у всех младенцев.

–А передние зубы у него наверняка кривые и торчат, как и у старшей сестры, – сказала Эмма с высокомерным смешком.

Я ее проигнорировала. Она просто ревнует и боится, что Дебби снова станет со мной дружить. И Дебби на этот раз приняла мою сторону. Надо сказать, что, когда она хочет быть с кем-то милой, у нее это действительно хорошо получается.

–Не говори глупостей, Эм, – сказала она. – У младенцев вообще нет зубов. И в любом случае у Анны стоят брекеты, так что зубы выравниются. Анна, малыш наверняка чудесный. Можно, мы забежим к вам ненадолго посмотреть на него, когда он вернется?

У меня внутри внезапно похолодело, ну, как когда надо сдавать домашку, а ты вдруг понимаешь, что сделала не то задание.

–Он пока очень уязвимый, так говорит доктор Рэндалл. Его нужно оберегать от любых возможных инфекций,– ответила я, пристально глядя на Эмму. Это не я, а она разносчица заразы. Она все время ест сладости, и у нее на зубах налет толщиной с полдюйма.– Не знаю, – сказала я. – Я должна спросить у мамы.

Но потом они отстали. Все, кроме Вики. Ее у нас в классе не выносил никто. Вики никогда не звали в командные игры, и никто не хотел сидеть с ней рядом. Я старалась относиться к ней хорошо, ну или по крайней мере не издеваться над ней. Я знала, как это ужасно, когда ты никому не нравишься. Но все же я не настолько нуждалась в друге, чтобы общаться с ней. Все-таки у меня были определенные границы допустимого.

В тот же вечер мы всей семьей долго обсуждали имя ребенка. Еще до его рождения папа решил, что это будет Эдвард. Так, по его мнению, должны звать сильного, немногословного и надежного человека. Мама хотела Джеймса. Она говорила, что обещала своему отцу назвать сына в честь деда. Мне больше нравилось что-нибудь более современное, например Джейсон или Джаспер. Мы находились в спальне у мамы, когда Кэти предложила новый вариант.

–Давайте назовем его Сэм, – сказала она. – Пожалуйста, мамочка, ну пожа-а-алуйста.

Она произнесла это тем же ноющим тоном, которым обычно кланчит шоколадный батончик или еще что-нибудь. У этого ребенка вообще нет представления об уместности. И вообще, имя Сэм нравилось ей только потому, что так звали старшего брата ее подружки Трейси. Кэти считала, что влюблена в него! В свои семь лет! Представляете?!

–Я придумала, – сказала я. – Почему бы нам не дать ему четыре имени? И он будет Эдвард Джеймс Джаспер Сэм, и мы все будем счастливы.

–Нет! – внезапно отрезала мама. – Не Джеймс!

–Но я думала... ты же говорила, что обещала... – начала было я, но потом увидела ее лицо и замолчала на полуслове. Похоже, я попала в больное место, хоть и не поняла почему.

Тут в комнату вошел папа, он принес маме чай.

–Обсуждаете имя? – спросил он. – В общем, я уже принял решение. Я его отец, и последнее слово за мной. Мы назовем его Бенедикт. Я проверил. Это значит «благословленный».

Я заметила, что он посмотрел на маму, но она отвернулась.

«Бенедикт», – прокрутила я в голове, и мне понравилось.

–Бенедикт, а дальше? – спросила я. – Какое у него будет второе имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.